

Ба 2573

Н. Я. Никифоровский.

Ба 2573/2

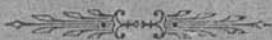
Освященные предметы

— И —

стихошехіе къ химъ простожародья

Витебской Бѣлоруссіи.

Ба 2573/2

Отд. оттиски изъ П. Е. В. №№ 10—20, 22, 1903 г.

ВІТЕБСКЪ.

Типо-лит. насл. М. Б. Неймана.

Б2 2.573

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

	Стр.
1. Громничныя свѣчи	1—6
2. Иорданская освященная вода	7—13
3. Освященная верба	15—18
4. Освященные травы и цвѣты	19—20
5. Освященные хлѣбы	20—23
6. Освященные предметы для разоваго упо- требленія	23—26

В. В. 2. 573
2. 573
С

Громничныя свѣчи.

Къ числу предметовъ, имѣющихъ, хотя и второстепенное, но все же религіозное почитаніе у нашего Бѣлорусскаго простонародья, принадлежатъ такъ называемыя „громничныя свѣчи“. Знакомые съ жизнію и бытомъ простонародной среды не откажутся посвидѣтельствовать, что эти свѣчи чтутся наравнѣ съ такими предметами, какъ напр., іорданская вода, освященная, верба, частицы артоса, благовѣщенская просфора и просвиры проскомидійныя по вынутіи изъ нихъ частицъ, и что обычное мѣстонахожденіе этихъ предметовъ— „божница“, т. е. угловой шкафчикъ, или полочка для иконъ, за отсутствіемъ же таковыхъ—площадка на угловомъ соединеніи лавокъ въ красномъ углу („куту“). Нѣтъ въ избѣ „божницы“, полочки и углового соединенія лавокъ, замѣненныхъ передвижными скамьями, поименованныя предметы все таки не расстаются съ иконнымъ угломъ: то въ укладкахъ, то открытыми они располагаются при иконахъ, будучи привѣшаны здѣсь къ стѣнѣ, или приставлены къ иконнымъ рамамъ, кіотамъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, при опасеніи, что неразумныя дѣти потревожатъ чтимые предметы, послѣдніе запрятываются въ сундукъ, въ „кубелъ“, въ „ванзѣлокъ“. Черезъ это, однако, почитаніе указанныхъ предметовъ ничуть не ослабляется: обращеніе съ ними сопровождается обычнымъ вниманіемъ, какъ съ предметами освященными, причемъ самый приступъ къ нимъ и разставаніе вызываютъ осѣненіе крестнымъ знаменіемъ.

Авторъ настоящей замѣтки не касается вопроса о происхожденіи „громничныхъ свѣчей“ и о томъ, какъ эти свѣчи связались съ религіозными потребностями простонародья; въ свою очередь, онъ не рѣшается высказаться и о современномъ употребленіи „громничныхъ свѣчей“, предоставляя слово о сѣмъ компетенціи лицъ, близко стоящихъ къ простонародной средѣ текущаго времени. Свое слово о „громничныхъ свѣчахъ“ авторъ ограничиваетъ личными воспоминаніями лѣтъ за 45 предъ сѣмъ въ приходахъ нашей Полоцкой епархіи—Поддубьевскомъ, Королевскомъ, Стасевскомъ, Веляшковичскомъ, Замшинскомъ, Колышескомъ, Яновичскомъ, Вымнецкомъ и Котовскомъ, т. е. въ юго-восточной окраинѣ.

и въ приходахъ—Добейскомъ, Ловожскомъ, Спиротинскомъ, Спасскомъ, Оболь—Онуфріевскомъ, Бононьскомъ, Махировскомъ, Старо-Замшанскомъ и Бѣльскомъ, т. е. въ западной части той же губерніи (Пол. у.).

Обыкновенно каждая семья, жившая собственнымъ хозяйствомъ, начиная съ новаго года, а то и раньше, заботилась о приобрѣтеніи куска воску, который, за неимѣніемъ собственныхъ пчелъ, добывала покупкою, мѣною, подаркомъ, исключительно отъ пчеловодовъ, но не изъ огарковыхъ вытопковъ, а изъ сотовыхъ вытопковъ непосредственно. Въ виду сего некорыстолюбивые пчеловоды оставляли запасы воску и на наличную надобность, и на надобности несомнѣнныхъ искателей воска, и только по удовлетвореніи сихъ надобностей сбывали остатки въ торговыя руки.

Въ канунъ праздника Срѣтенія Господня, но чаще всего въ послѣднюю субботу передъ нимъ, даже и въ томъ случаѣ, когда эта суббота приходилась „родительскою“ („Товстая суббота“, „Мясѣдные дѣды“), каждый хозяинъ самолично, по силѣ умѣнья, приготавливалъ („сучилъ“) для своего дома свѣчу изъ припасеннаго воска, причемъ, если такъ можно выразиться,—имѣвшій восковые достатки приготавливалъ ее вершковъ въ 10 длиною и въ $\frac{3}{4}$ вершка толщиною, т. е. такого размѣра, который позволялъ бы укрыть свѣчу на груди подъ верхнею одеждою, или въ рукавѣ, и такимъ образомъ утаить отъ стороннихъ присутствіе свѣчи. Свѣча длиннѣе указаннаго размѣра намѣренно долше горѣла при первомъ зажиганіи, чтобы быть доведенною до условной длины. Разумѣется, лица со скромными запасами воска изготовляли свѣчи значительно меньшихъ размѣровъ, хотя и у нихъ свѣчи бывали не короче 5 вершковъ, при толщинѣ въ мизинецъ. Только немногіе, очутившіеся въ крайности, покупали готовыя свѣчи въ городскихъ лавкахъ, или въ своихъ приходскихъ церквяхъ, предпочитая, однако, жертвованныя („офярныя“) свѣчи домашняго, а не заводскаго изготовленія.

Такъ, или иначе добытыя свѣчи еще не назывались „громничными“, а считались лишь „приготовленными къ громницамъ“. Онѣ хранились въ разныхъ мѣстахъ: въ сѣняхъ, въ клѣти, въ амбарѣ, какъ простые предметы обиходности. Въ самъ случаѣ производилъ по

было употребить приготовленную свѣчу при гостинныхъ, напр., на добностяхъ, при вечернихъ работахъ; но такая свѣча уже не поступала потомъ на „громничныя“ нужды, а сжигалась при будничномъ употребленіи, или, переплавленная, поступала на приготовленіе новой свѣчи, дарилась пуждающемуся, относилась въ церковь, въ капищу.

Въ „Громницы“ (т. е. въ праздникъ Срѣтенія Господня) обязательно каждый хозяинъ, а въ исключительномъ случаѣ—вмѣсто него хозяйка,—прибывалъ въ свою приходскую церковь, гдѣ, какъ то производилось по чину уніатскаго требника о „Благословеніи свѣщъ на Срѣтеніе Господне“, надъ уложенными на столикъ, табуретахъ, или на внесенной въ церковь скамьѣ свѣчами читалось пять спеціально приуроченныхъ къ сему молитвъ, творилось троекратное кажденіе ихъ (свѣчей), окропленіе освященною водою и троекратное же осѣненіе ихъ на престольномъ крестомъ, съ которымъ священникъ выходилъ изъ алтаря для требоисправленія. Уніатскій требникъ указываетъ точный срокъ требоисправленія: „По Часѣхъ, прежде зачатія святой литургіи, іерей изшедъ предъ Царская Врата, ставъ на мѣстѣ идѣже свѣщя положенныя суть до благословенія, начинается...“ По отпустѣ священникъ собственноручно вручалъ хозяевамъ ихъ свѣчи, при пѣніи „Нынѣ отпускаеши“ и стихиры—„Украси чертогъ твой, Сионе,“ и начиналъ литургію.

Богомольцы—хозяева зажигали освященныя свѣчи съ возгласомъ священника „Благословенно Царство“ и гасили ихъ послѣ литургійнаго евангелія,—гасили перевертомъ фитиля внизъ и прятали свѣчи за пазуху, въ рукавъ, или заворачивали въ платокъ, въ холстинку; такъ держались свѣчи въ церкви до конца литургіи и уже подъ настоящимъ именемъ „громничныхъ свѣчей“ онѣ доставлялись домой. Замѣчалось: если „громничныя свѣчи“, какъ и церковныя, „порщали“ (трещали) во время горѣнья,—лѣтомъ нужно ожидать „громоть“ и, чѣмъ сильнѣе, чаще былъ трескъ, тѣмъ чаще и страшнѣе будутъ лѣтнія грозы, и наоборотъ.

Первыми дѣянiями возвратившихся домой съ „громничными свѣчами“ и пока что нераздѣвшихся хозяевъ бывали слѣдующія: хозяйка немедленно и самолично зажигала свѣчу въ рукахъ хозя-

ива. Этотъ послѣдній, прежде всего, крестообразно обжигалъ собственные головные волосы, а затѣмъ дѣлалъ тоже съ волосами всѣхъ членовъ семьи, по старшинству. Послѣ сего вся семья, при непрерывномъ участіи хозяйки и хозяйки, шла въ скотныя помѣщенія, гдѣ хозяйинъ опять же крестообразно обжигалъ шерсть каждого животнаго въ отдѣльности, касался пламенемъ свѣчи каждой стѣны, дверныхъ косяковъ. Тоже дѣлалось въ остальныхъ хозяйственныхъ строенияхъ, до бани включительно, а также въ пчельникѣ, при каждомъ ульѣ. Впрочемъ, въ болѣе строгихъ семьяхъ такого обжиганія не дѣлалось надъ женщинами, лошадьми, свиньями и въ баняхъ.

По возвращеніи семьи въ избу, хозяйинъ гасилъ и пряталъ свѣчу. Такъ „громничная свѣча“ укрывалась, для того, чтобы „лиходѣи“ немогъ видѣть ея и такимъ образомъ не зная бы о присутствіи предмета, производящаго злонамѣренія „лиходѣя“.

Въ дальнѣйшемъ, въ теченіе года, „громничная свѣча“ зажигалась въ слѣдующихъ случаяхъ исключительно домашней жизни:

а) при принятіи бабкою новорожденнаго, б) при отправленіи его къ св. крещенію, в) при первыхъ „провѣдкахъ“ новорожденныхъ животныхъ, преимущественно—телятъ и ягнятъ, г) при свадебномъ сговорѣ, какъ и разныхъ сдѣлкахъ, д) при отправленіи члена семьи въ дальній путь, въ рекруты, въ школу; е) при кончинѣ чловѣка (свѣча дается въ руки умирающему), ж) при острыхъ припадкахъ—конвульсіяхъ, каталепсіи, з) при опасной грозѣ лѣтомъ, и) при насыпкѣ сѣменнаго хлѣба въ мѣшки передъ посѣвомъ, і) при всыпкѣ въ закромъ перваго вымолоченнаго хлѣба, к) при первомъ выгонѣ скота въ поле и первой встрѣчѣ его по возвращеніи съ паствы, л) при обходѣ строеній съ мѣломъ (писались кресты на дверяхъ и стѣнахъ) въ Рожд. Хр. и съ Крещенскою водою въ сочельникъ (5 янв.) и Крещеніе, м) при разговорѣ въ день Рожд. Хр. и Св. Пасхи, н) при предтрапезной молитвѣ въ „дѣды“ и даже во время этой трапезы.

За исключеніемъ того, когда свѣча находилась въ рукахъ умирающаго, при келейномъ употребленіи, ея мѣсто бывало—то середина стола (въ отдѣльной стойкѣ изъ бурака, брюквы, въ бутылкѣ, „лихтарикѣ“—подсвѣчникѣ) то „божница“; а въ остальныхъ мѣстахъ

свѣча держалась въ рукахъ хозяина, или хозяйки, т. е. того, кто отлучался съ нею изъ избы.

Незажженная „громничная свѣча“ (въ день Срѣтенія, въ Ивановъ день и другіе) привѣшивалась на ночь къ дверному верхнему косяку въ скотныхъ помѣщеніяхъ, фитилемъ внизъ, чтобы вѣдьма и другой духъ не могли достигнуть къ скоту, для порчи его и убыли молока и коровъ. Въ семъ случаѣ предполагалось, что „лиходѣи“ обожгутся и уйдутъ отъ огражденной двери.

Съ тою же незажженою свѣчею хозяева начинали и заканчивали сельско-хозяйственныя работы—пашню, жниво, косьбу, молотьбу, и т. под. Случалось нерѣдко, что хозяйка забѣжитъ въ скотное помѣщеніе съ „Громничною свѣчею“ и, метаясь по нему, станеть дѣлать ея примѣрныя движенія, точно готовится обжечь невидимаго „лиходѣя“. Дѣлалось это, такъ сказать, авансомъ, преимущественно, въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалась злонамѣренность сосѣдей, а также и при очевидномъ разстройствѣ здоровья скота, худобѣ и болѣзненности его.

Самые сплавы „громничной свѣчи“ (а такіе сплавы бывали неизбежными вѣдствие неумѣлой обработки, непропорціальности фитилей, перемѣщенія зажженной свѣчи и проч.) почитались значительно выше простого воска. Кусочки свѣчного сплава давались, какъ лѣкарство, людямъ и животнымъ, носились при тѣлѣ какъ амулеты, при чемъ изъ сплавовъ лѣпились подобія тѣхъ членовъ тѣла, кои желательно было оградить отъ порчи, или возстановить въ нихъ ослабѣвшую жизнѣдѣтельность. Тѣми же сплавами подкуривались при испугѣ, въ лихорадкахъ, подкуривали заболѣвшихъ животныхъ, навитую пряжу, сѣти, сѣменные зерна, даже одежду.

Если въ теченіе „громничнаго года“ свѣча послужила хотя и половинной части вышепоименованныхъ потребностей, то къ концу его „громничная свѣча пригорала“ до крошечнаго огарка, который въ новомъ году уже употреблялся наравнѣ со сплавомъ, при указанныхъ надобностяхъ. Но если такихъ нуждъ не бывало, и „громничная свѣча“ значительно уцѣлѣла,—она дожигалась въ „святыя вечера“—рождественскіе святки и, преимущественно—въ канунъ праздника Срѣтенія Господня.

Остается прибавить, что „громничныя свѣчи“ не подлежатъ одолженію, какъ и огонь, даже въ близкіе родственные дома, роднымъ лицамъ, живущимъ въ иной семьѣ. Самый спросъ о такомъ одолженіи принимался какъ нѣчто обидное, и, если иногда подлежало удовлетворенію, то послѣднее носило соотвѣтственно обидный характеръ...

Кто видывалъ восковыя свѣчи деревенскаго изготовленія (самодѣльные), тотъ помнитъ непривлекательный видъ ихъ: воскъ мутенъ, даже грязенъ отъ посуды и рукъ деревенскихъ воскобойниковъ; свѣчи неровны, съ горбинами; фитиля въ нихъ уклонены отъ центрального положенія, иногда чуть не выходятъ наружу то съ одной, то съ другой стороны свѣчи; свѣчи эти горятъ неровно, многія нескончаемо „порщатъ“, даютъ неустанные сплавы. „громничныя свѣчи“ воспоминаемаго времени имѣли всѣ такіе недостатки въ большемъ обилии...

Но слово осужденія давнихъ деревенскихъ воскобойниковъ не идетъ на уста при оцѣнкѣ усердія, съ какимъ свѣча сооружалась, простоты вѣры и младенческихъ упованій творцовъ архаическихъ свѣчей...

N. N.

Йорданская освященная вода.

Равноѣрное, а въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣе разностороннее, чѣмъ. „Громничныя свѣчи“, *) употребленіе въ религиозно-бытовой жизни той же престонародной среды въ Витебской Бѣлоруссіи имѣеть *Йорданская вода* и второстепенное—вода, получившая церковное освященіе, какъ и вода отъ прославленныхъ, чтимыхъ мѣстъ. Такъ—какъ Йорданская вода существенно необходима въ каждомъ домѣ, то настоящая замѣтка коснется именно этой воды.

Йорданская вода поступаетъ въ сельско-хозяйственные дома въ два срока—въ канунъ праздника Крещенія и въ самый праздникъ, при чемъ канунная вода достается относительно немногимъ, сколько потому, что освященіе ея приходится въ будній день, столько и потому, что вода освящается въ ограниченномъ количествѣ,—въ какойнибудь 10-ти, 20-ти ведреной кадкѣ. По симъ двумъ причинамъ канунную воду могутъ приобрести лица, болѣе другихъ свободныя отъ работъ, выдающіеся богомолы или живущіе вблизи приходской церкви, т. е. тѣ, кто оторвавшись отъ очередныхъ работъ, можетъ во время подоспѣть къ освященію воды.

Хотя колядная вода и имѣеть все значеніе Йорданской, она скорѣе служить надобностямъ коляднаго дня—для приѣма передъ постною въ этотъ день трапезою, и, неприобрѣвшія ея не тяготятся лишеніемъ, такъ-какъ для указанной надобности можетъ послужить оставшаяся отъ истекающаго года Йорданская вода; на надобности же новаго, такъ сказать, йорданскаго года можно будетъ тѣмъ или инымъ путемъ записаться Йорданскою водою въ самый праздникъ Крещенія. Припоминается исключительныя положенія, когда, въ колядный день не оказывалось не только колядной, но и прошлогодней Йорданской воды, и когда достать таковой было невозможно передъ трапезою. Тогда снималась болѣе чтимая икона со стѣны, обмывалась чистою водою, которая послѣ сего приобрѣтала значеніе колядно-йорданской и употреблялась взамѣнъ таковой передъ колядною ѣдою. Такая же вода и съ тѣмъ же значеніемъ употреблялась и въ самый день Кре-

*) См. П. Е. В. 1903 г. № 10.

щения, если только въ домѣ существовалъ обычай, или призывала нужда отобѣдать раньше Иорданскаго водосвятія,—что имѣло мѣсто при отдаленности приходскаго храма, или при неблагопріятныхъ семейныхъ обстоятельствахъ.

Присоединимся, читатель, къ составу богомольцевъ сперва въ Крещенскій сочельникъ, а затѣмъ—въ самое Крещеніе, и послѣдуемъ съ ними за Иорданскою водою. Наши товарищи пѣшкомъ и конно, въ праздничныхъ, или наскоро одѣтыхъ будничныхъ одеждахъ, съ самою разнообразною питейною посудою—стекляною, каменною, металлическою и деревянною—видимо спѣшатъ къ церкви, дабы занять болѣе удобныя мѣста, стать въ лучшее положеніе къ водосвятному центру, гдѣ стоитъ одна или нѣсколько кадокъ съ водою и совершается чищ водосвященія. По мѣрѣ прибытія богомольцевъ растетъ тѣсный кругъ около центра, куда и направлены взоры богомольцевъ, и только движенія для крестнаго знаменія на короткое мгновеніе отводятъ взоры отъ водосвятнаго центра, слышится легкій шорохъ одежды, нечаянный стукъ посуды —и живое кольцо снова въ прежнемъ созерцательно-выжидательномъ положеніи... Но вотъ послѣдовало погруженіе св. креста въ воду, и нераздѣльное съ симъ пѣніе тропаря: „Во Иорданѣ крещаящуся“... Понятный и единственный только въ семь мѣстѣ и случаѣ не то шорохъ, не то шумъ и колебаніе обозначились въ живомъ кольцѣ, руки неволью движуть принесенную посуду... Если заранѣе не установлено надлежащаго порядка въ раздачѣ освященной воды, или таковой не соблюдается по традиціямъ, то, вслѣдъ за уходомъ священнослужителей, живое кольцо стуча посудою, тѣсясь, въ перебой вычерпываетъ воду, при чемъ тѣ, кто успѣлъ наполнить свою объемистую иногда посудину, спѣшатъ подѣлиться водою съ неудачниками, съ близкими лицами, и тутъ каждый благоговѣнно, при крестномъ осѣненіи, принимаетъ глотка три добытой воды. Такое безотказное одолженіе водою бываетъ и на пути въ дома въ отношеніи тѣхъ встрѣчниковъ, кои не были на водосвятіи и, пока еще не принимали колядной пици. Разумѣется, что по прибытіи въ свои дома богомольцы отдають доставленную воду домашнимъ, которые, по старшинству, непосредственно изъ посудины, принимаютъ глотка по три той же воды. Весьма скромный иногда остатокъ колядной воды приберегается на всякій случай.

Теперь присоединимся къ богомольцамъ въ самый день праздника Крещенія. Это уже не тотъ скромный составъ идущихъ и ѣдущихъ къ приходскому храму, какъ наканунѣ: къ сельскому храму направляется чуть не цѣлый приходъ, по крайней мѣрѣ, хотя по одному представителю отъ каждой семьи и дома, въ лучшей праздничной одеждѣ, съ самою опять же разнообразною посудою, иногда внушительныхъ размѣровъ. Въ церкви богомольцы не образуютъ вчерашняго кольца, а скорѣе—живую стѣну, которая въ положенное время при церковной процессіи къ іордани, растянется въ живую ленту, а по прибытіи къ водосвятной проруби образуетъ не кольцо только, а живой кругъ около хоругвей, выноснаго креста, иконъ, аналоя и совершающаго водоосвященіе священно-служителя. Здѣсь то же массовое колебаніе круга при крестныхъ знаменіяхъ, тоже сосредоточенно—выжидательное положеніе, тотъ же стукъ и брязгъ посуды, примающей единственные въ своемъ родѣ размѣры, какъ только процессія тропется отъ іордани. Установить порядокъ вычерпа Іорданской воды здѣсь бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ наканунѣ въ церкви, да такого порядка почтай и не устанавливается, вслѣдствіе чего такъ обычны случаи давки, битья посуды, а нерѣдко—подлома несосвѣтъ толстаго льда, паденія въ іорданскую прорубь. Последнее, впрочемъ, не принимается за что-нибудь позорное; обидное, не вызываетъ гнѣва. Припоминаются не столь отдаленные случаи, когда отдѣльные лица изъ—года—въ годъ добровольно погружались въ іорданскую прорубь послѣ удаленія отсюда богомольцевъ, и такими лицами бывали не мужчины только, но и женщины... По окончательномъ оставленіи іордани людьми къ послѣдней на водоной сгоняется скотъ ближайшихъ жителей, или сюда прибываютъ издали съ водовозными бочками, кадками,—за водою для людей и скота.

Слѣдуетъ отмѣтить, что, какъ въ канунъ Крещенія, такъ и въ Крещеніе богомольцы вмѣстѣ съ освященною водою уносятъ и увозятъ домой и декоративную зелень отъ водосвятныхъ мѣстъ, на память о праздникѣ и личномъ пребываніи на немъ. Эти, часто скромненькія по размѣрамъ вѣточки ели, или другой зелени, почтено втыкаются дома въ стѣну вблизи краснаго угла, за икону, или приставляются въ тотъ же красный уголь, гдѣ остаются неприкосновенными за долгіе сроки.

Обыкновенно въ воскресные и праздничные дни богомольцы по-долгу остаются въ ближайшихъ къ церкви мѣстахъ, то для встрѣчи и переговоровъ съ нужными лицами, то для закуски, или же просто, чтобы избыть досужее время. Какъ въ праздникъ Рожд. Хр., въ Новый годъ, такъ и въ праздникъ Крещенія тѣ же богомольцы съ преимущественною торопливостью спѣшатъ въ свои дома, чтобы доставить туда Иорданскую воду, подѣлиться впечатлѣніями закончившагося праздненства.

Глотка три доставленной Иорданской воды, принятой по старшинству каждымъ членомъ семьи, предшествуютъ семейному обѣду. Впрочемъ, однако, послѣдній чаще всего отсрочивается на короткое время и, непосредственно за пріемомъ Иорданской воды часть воды, налитая въ чистую посудину, удѣляется на окропленіе жилыхъ и холодныхъ строеній, скотныхъ помѣщеній и пчельника, если послѣдній имѣется. Между прочимъ, для окропленія пчельника и ульевъ, пчеловоды стараются добыть воды „изъ семи іордань,“ т. е. отъ семи водосвятныхъ мѣстъ въ день Крещенія.—Помянутое окропленіе Иорданскою водою производитъ глава дома—мужчина, или женщина, безразлично—при помощи домашняго кропила изъ верхнихъ ржаныхъ стеблей вымоченнаго снопа; по окончаніи же окропленія кропило отдается коровѣ, а если желательно сберечь его на послѣдующія надобности, то помѣщается среди другихъ предметовъ въ божницѣ, затыкается за икону, въ щель краснаго угла. Окропленіе и обходъ съ Иорданскою водою происходитъ въ соупствіи всѣхъ членовъ семьи, иногда въ предшествіи домашней иконы.

Остающаяся Иорданская вода въ закупоренной бутылѣ или въ глячкѣ помѣщается въ божницѣ и только въ опасеніи, что неразумныя дѣти могутъ потревожить святыню, прячется въ истощкѣ въ клѣтѣ, въ сундукѣ и кублѣ, или же привѣшивается къ стѣнѣ, на недоступномъ для дѣтей мѣстѣ. Впрочемъ, такое опасеніе почти лишне, такъ какъ дѣти съ первыхъ же дней жизни пріучаются считать неприкосновенными находящіеся въ божницѣ предметы, почему обычное мѣсто нахождения Иорданской воды тамъ же, съ предметами, составляющими домашнюю святыню.

Въ теченіе года Иорданская вода обслуживаетъ разнообразныя потребности. Такъ, глотокъ этой воды употребляетъ заболѣвающій и выздоравливающій семьянинъ, при чемъ недужный смачиваетъ водою больныя мѣста тѣла; тотъ же глотокъ воды принимаетъ роженица до и послѣ разрѣшенія; ею кропляется ложе родильницы, колыбель младенца передъ первую укладкою въ нее новорожденнаго,—окропляются новорожденныя животныя и ихъ матери,—лошадь, корова, овца, коза;—новоотстроенныя, или исправленныя починкою хозяйственныя службы, даже домъ, если почему-либо семья не имѣетъ возможности пригласить для освященія мѣстный причтъ;—окропляется гробъ передъ положеніемъ въ него покойника; новый, или старый улей передъ вводомъ въ него роя; засѣвочный хлѣбъ, какъ и такъ называемый зажинный (первый) снопъ ржи, обыкновенно приносимый съ поля въ домъ и помѣщаемый на время въ красномъ углу;—овины передъ первую сушкою и молотью хлѣба; закрома передъ первую же ссыпкою туда хлѣба, новые рыболовные снаряды и даже земледѣльческія орудія. Есть случаи, когда отправляющіеся въ дальній путь, или по особу важному дѣлу, вмѣстѣ съ горстью родной земли, земли съ могильныхъ холмовъ родичей, берутъ съ собою немного Иорданской воды, храня въ семь случаѣ ее, какъ благословенное достояніе собственнаго дома, какъ знакъ духовной связи съ нимъ.

Перечисленнымъ исчерпывается область употребленія Иорданской воды въ быту и жизни нашего простонародья. Къ сему остается присоединить, что, насколько то позволяли личныя наблюденія, не только актъ употребленія этой воды, но и самыя подступы къ нему, какъ и окончаніе, сопровождаются благоговѣнною почтительностью и обязательнымъ осѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ. Живо припоминаются скорбныя сожалѣнія, когда, по неосторожности, проливалась Иорданская вода, или когда, во время, напр., окропленія она попадала не въ надлежащія мѣста, и напротивъ—не помнится какой бы то ни было небрежности въ обращеніи съ такою водою—выливанія ненадобнаго излишка въ помой, или непристойныя мѣста: такой остатокъ выпивается, или выливается въ красный уголь, съ внутренней и внѣшней стороны, на плодовое дерево, кустарникъ на грядку, или разсадникъ. О какомъ бы то ни было кощунственномъ

употребленіи Іорданскої воды не можетъ быть и рѣчи. Если вслѣдствіе неловкости или неосторожности пролитая освященная вода вызываетъ глубокое сѣтованіе, личное и окрестное, то намѣренное издѣвательство надъ таковою водою, вызывая личные упреки совѣсти, вызовутъ отъ стороннихъ не упреки только, а и возможное физическое возмездіе за святотатство. Впрочемъ, обиходная жизнь мѣстнаго простонародья и не считается съ кощунственными проявленіями сего рода, относясь къ нимъ, какъ къ дѣяніямъ сумасброднымъ, ненормальнымъ. Аналогичное отношеніе сохраняется и ко всѣмъ освященнымъ предметамъ, а также предметамъ отъ чтимыхъ, прославленныхъ мѣсть, ставшимъ домашнею святынею.

Кромѣ Іорданскої воды въ сельско-хозяйственный домъ поступаетъ еще вода, по церковному чиноположенію освященная а) въ Преполовеніе Пятидесятницы, б) въ день воспоминанія воссоединенія униатовъ (девятникъ), в) 1-го августа и г) мѣстнаго освященія—въ храмовые и часовенные праздники, въ такъ называемыя пятинки (Петровская, Ильинская и Покровская), а также д) вода отъ чтимыхъ, прославленныхъ мѣсть. Хотя такая вода и имѣетъ подобающее ей почетное значеніе въ домѣ, но она скорѣе служитъ разовому употребленію, или же обслуживаетъ, если такъ позволительно выразиться, спеціальныя надобности. Такъ, если установлено, что данная вода помогаетъ отъ глазныхъ болѣзней, она употребляется только при сихъ немощахъ, другая—при сынныхъ боляхъ, третья—при головныхъ, желудочныхъ, катарральныхъ, ломотныхъ и проч. органическихъ страданіяхъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мѣстными обычаями не возбраняется ссужать помянутою водою / стороннихъ нуждающихся,—что не похоже на одолженіе Іорданскої воды, которая, подобно „Громничнымъ свѣчамъ“, другимъ предметомъ, освященнымъ и простымъ, не подлежитъ одолженію, при чемъ и самая попытка къ одолженію принимается, какъ нѣчто ненормальное.

Въ заключеніе остается сказать, что мощная вѣра, воспитанная долгими столѣтіями, устраняетъ какую бы то ни было безгливость къ водѣ, разъ она освящена или доставлена изъ чтимыхъ, прославленныхъ источниковъ. Кто бывалъ въ мѣстахъ особеннаго скопленія богомольцевъ-паломниковъ и присматривался, какъ здѣсь чуть-ли не

съ бою достается нужная вода, тѣ не могутъ забыть, что въ ппья руки такая вода поступаетъ не ввидѣ только мути, но нерѣдко—грязной жижи. При иномъ положеніи вода бываетъ окрашеною въ болотный цвѣтъ, если источникъ расположенъ при торфяникѣ,—въ желѣзистый, если онъ при рудѣ, со специфическимъ вкусомъ торфа, желѣза. Та же мощная вѣра не позволяетъ разбираться въ составѣ и вкусѣ воды: послѣдняя освящена, или имѣетъ за собою прославленную чудодѣйственность—вотъ ея первое и послѣднее свойство! Смотря по обстоятельствамъ, такая вода хранится въ домѣ годами, до полного истощенія ея, хранится почестно, съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ домашней святынь.

N. N.

Освященная верба.

„Громничныя свѣчи“ и Иорданская освященная вода, составляютъ далеко неполный кругъ предметовъ, служащихъ духовно-религіознымъ надобностямъ сельчанина: въ каждомъ домѣ красный уголь украшается еще пучкомъ освященной вербы, которая съ Вербнаго воскресенья безсмѣнно торчитъ за главною иконою въ теченіе года и лишь по временамъ вынимается оттуда для набѣжавшихъ нуждъ.

Мѣстная верба есть прутья ивовыхъ деревьевъ, преимущественно такихъ, на которыхъ раньше появляются такъ называемые „барашки“—желтенькія цвѣточныя почки, съ присоединеніемъ къ прутьямъ двухъ-трехъ вѣточекъ можжевельника. Такъ какъ ивовыя и можжевельниковыя породы довольно распространенныя растенія въ нашей губерніи, то приобрѣтеніе вербы незатруднительно въ любомъ мѣстѣ, при чемъ, однако, верба съ розоватою кожицею, а можжевельникъ съ ягодами считаются первосортными и по преимуществу—желательными. Нѣтъ такой вербы и добыть ея невозможно,—довольствуются болѣе простою, со свѣтлой кожицею. Если по случаю ранней Пасхи, или затягивающейся зимы, верба еще не имѣетъ почекъ, то приготовленные заранѣе ивовыя пучки помѣщаются въ комнатную воду въ избѣ, отчего къ Вербному воскресенью на нихъ успѣваютъ разбухнуть почки, а иногда и листья.

Въ Вербное воскресенье почти изъ cadaго хозяйственнаго дома богомольцы отправляются въ свою приходскую церковь съ пучками собственной вербы, при чемъ у отдѣльныхъ лицъ такія пучки равняются иногда доброй половинѣ снопа. Подобные запасы вербы дѣлаются сколько для собственныхъ нуждъ, столько и для сосѣдняго, какъ и путевого одолженія.

Уже до церковнаго освященія запасенная верба не употребляется даже дѣтьми на игрушечныя надобности; послѣ же освященія она становится почетною святынею дома и внѣ его. Прослѣдимъ за вербнымъ пучкомъ отъ момента его освященія въ церкви до конца вербнаго года. Мы замѣтимъ, что иной богомалець немедленно же по освященіи сѣждаетъ одну почку вербы, а если въ можжевельни-

ковых вѣточкахъ имѣлись ягодныя зерна, то и одно такое зерно, преимущественно черное—прошлогодняго созрѣванія. Это дѣлается въ той увѣренности, чтобы лѣтомъ обезопасить себя отъ грозъ. Тоже и по тѣмъ же побужденіямъ дѣлаютъ домашніе, какъ только освященная верба поступитъ въ домъ. Однако, прибывшій въ домъ съ освященной вербою прежде всего старается троекратно ударить вербнымъ пучкомъ, или отдѣльнымъ прутикомъ каждаго члена семьи, приговаривая: „верба крестъ“ („вм.—хлестъ“) бьетъ до слезъ; не я бью, верба бьетъ, нехай на здоровье живетъ!“ (тотъ кого хлещутъ). Въ свою очередь, то же продѣлываетъ надъ вербнымъ вѣстникомъ кто-либо изъ семьянъ, и только въ исключительномъ положеніи, какъ напр. при полномъ одиночествѣ, онъ хлещетъ вербою самъ себя. При встрѣчѣ съ родственниками и знакомыми вербные богомольцы выражаютъ свой привѣтъ не рукопожатіемъ, не сниманіемъ шапки, а хлестаньемъ вербою, и такое привѣтствіе невольно вызываетъ недоумѣніе. Разумѣется, что вербное привѣтствіе даетъ сельской молодежи новый лишній разъ къ желательному сношенію другъ съ другомъ, прерванному съ началомъ Великаго Поста.

Дома, хозяинъ, или замѣняющее его лицо, обходитъ съ вербой (прутикомъ) скотныя помѣщенія, легонько ударяя ею три раза каждое животное въ отдѣльности и втыкаетъ прутикъ въ щель этого помѣщенія. Собственно говоря, вербное привѣтствіе дѣлается въ отношеніи лишь одушевленныхъ предметовъ и въ семъ случаѣ не остаются безъ него улы у пчеловодовъ, хотя въ то же время не подлежатъ хлестанью кошки и собаки. Съ другимъ вербнымъ прутикомъ обходятъ остальные хозяйственныя строенія, огородъ, и, въ особенности, озимое поле, опять же троекратно хлеща имъ въ разныхъ мѣстахъ нивы, и по окончаніи всего вербный прутикъ втыкается въ одинъ изъ уголковъ огорода, или нивы. По сему весьма нерѣдко можно видѣть, что при междѣ даннаго хозяина, если только земля низменная, влажная, отросла роскошная ива изъ-когда то воткнутаго здѣсь вербнаго прутика. Тоже самое видится и при родственной могилѣ, куда съ прутикомъ вербы кто-нибудь обязательно отправляется для привѣтствія на могилѣ родныхъ. И здѣсь посѣтитель троекратно хлещетъ могильный холмикъ и произноситъ обычное привѣтствіе, не догоаривая, однако, второй

половины, или видоизмѣняя эту половину примѣнительно къ нарушаемому покою погребеннаго.

Во всѣхъ случаяхъ выхода съ вербою: въ самое ли Верное воскресенье, или въ ближайшіе дни наступающей страстной недѣли, вербный прутикъ не возвращается домой, а оставляется воткнутымъ тамъ, гдѣ онъ обслуживалъ указанныя нужды. Отъ сего, а также отъ путевого и сосѣдняго одолженія вербный снопикъ значительно убавляется; остатокъ его помѣщается за главную иконою, на годовичныя потребности дома. Впрочемъ, если не уцѣлѣли вербные прутики въ хлѣву и конюшнѣ, оставленные тамъ при вербномъ обходѣ, такъ при первомъ выгонѣ скота въ поле (онъ парадно открывается 23 апр.) и лошадей на ночлегъ (парадный выводъ 9 мая), пастуху и конопасу дается по новому вербному прутіку изъ „божницы“: тотъ и другой троекратно и даже по нѣсколько разъ хлещетъ выгоняемое на пастбище животное и уноситъ прутикъ съ собою на весь день вмѣсто кнута. Въ немногихъ случаяхъ съ такимъ же прутікомъ вербы изъ „божницы“ пахарь отправляется „заорывать“ яровое и парное поле, „драть облоги“ (вспахивать цѣлину), „конать груди“ (вспахивать мѣсто, гдѣ сожжены груди хвороста изъ подъ расчистки зарослей, лѣса) и т. п.

Какъ упомянуто, остатокъ вербы сберегается до слѣд. вербнаго воскресенья и только тогда, когда новая верба поступитъ въ домъ, — сжигается въ печи, — что одновременно, во всѣхъ домахъ, происходитъ въ страстной понедѣльникъ. Какъ ни велико бываетъ въ иномъ мѣстѣ рыбное довольство, какъ ни приманчиво въ посту рыбное блюдо, ни въ одномъ хозяйствѣ не стануть при сей топкѣ готовить рыбы точно также при сей топкѣ не готовятъ для бѣлья щелока, не отвариваютъ и бѣлья. Болѣе вѣрныя стародавнимъ обычаямъ хозяйки стараются отдѣлить золу этой топки и ею удобрить разсадникъ, гдѣ, благодаря защитѣ изруба или тщательной загорожѣ, земля не пощипается ногами людей и животныхъ.

Въ теченіе вербнаго года верба обслуживаетъ слѣдующія, скажемъ, экстраординарныя, надобности: а) во время перваго грома съѣдается одна почка, или кончикъ вербнаго прутіка, чтобы въ послѣдующее время не страшиться лѣтнихъ грозъ; б) при наступленіи грозы или приближеніи опасной тучи, вербный пучокъ или ставится на

подоконникъ, въ сторону грозы и тучи, или выставляется на вѣшней сторонѣ окна, чтобы удалить грозу и тучу, парализовать возможную опасность; в) при недомоганіи семьянина, или домашн. животнаго— тотъ и другое окуривается вербою; окуривается гнѣздо насѣдки, стельная корова и вообще беременное животное, чтобы тѣмъ или остановить болѣзнь, или предохранить отъ возможной пагубы, вліянія „дурнаго глаза“. Въ семъ случаѣ весьма существенно, чтобы вмѣстѣ съ вербными ивовыми прутьями курился въ жаровнѣ и „ядловецъ“ (можжевельникъ), составляющій необходимое дополненіе вербы.

Есть рѣдкіе случаи, когда вербные прутики и можжевельникъ отвариваются въ чистой водѣ и этотъ отваръ употребляется внутрь, какъ лѣкарство отъ коликъ, водянки, лихорадки,—и снаружи, ввидѣ примочки—отъ ревматизма, опухоли, ушиба. Измельченная въ порошокъ верба служитъ на засыпку ранъ и изъязвленій, одинаково, у людей и животныхъ.

Остается дополнить, что пока верба не поступила въ красный уголъ, даже въ черту двора, она охотно одоляется нуждающимися; но послѣ сего она уже не подлежитъ одоженію, подобно другимъ освященнымъ предметамъ. Зная это, нуждающіеся не дѣлаютъ и попытки къ одоженію, а обходятся другими освященными предметами, какъ, напр., травами и цвѣтами, освященными 24 іюня.

При переходѣ въ новый домъ вербный пучокъ раздѣляется пополамъ, и одна часть остается въ старомъ домѣ, а другая переносится въ новый, при чемъ первая остается въ домѣ неопредѣленное время до его разрушенія, и потомъ сжигается наравнѣ и одновременно съ годичною вербою въ понедѣльникъ страстной недѣли.

N. N.

Освященные травы и цветы.

Разъ въ годъ, а именно 24 іюня, сельчане освящаютъ въ своихъ приходскихъ церквахъ травы и цветы полевого, лугового и лѣсного сбора—по преимуществу, хотя въ такомъ наборѣ имѣются иногда травы и цветы огородніе, какъ, напр., мята, ноготки, и даже культурные—гвоздика, фіалка, тюльпанъ. Существенно то, что для освященія собираются цвѣтвые однолѣтки, хотя и въ семь случаевъ составляетъ изытіе айръ, который, даже съ корнемъ, обязательно входитъ въ сборный пучокъ тамъ, гдѣ есть возможность пріобрѣсти его. Подъ безразличнымъ названіемъ „красокъ, квятовъ, зелоковъ“, довольно объемистый снопикъ цвѣточной зелени несетя исключительно богомолками въ церковь для освященія, при чемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, тою же цвѣточною зеленью бывають украшены головные уборы женщинъ. Чѣмъ разнообразнѣе „зелки“, тѣмъ лучше, по сему, въ снопикѣ можно видѣть экземпляры всѣхъ мѣстныхъ цвѣточныхъ травъ, за исключеніемъ, конечно, завѣдомо вредныхъ („благихъ“), какъ, напр., лютикъ, бѣлена и под.

Поступивъ послѣ освященія въ домашній обиходъ, „зелки“ считаются уже почетнымъ предметомъ и, хотя имъ нѣтъ мѣста въ „божницѣ“ (по объемистости снопика и хрупкости высушившихся, растеній), онѣ все-таки оберегаются, какъ освященные предметы, висятъ на стѣнѣ при красномъ углѣ то въ мѣшкѣ, или платкѣ, то завернутыя въ чистую холстину, покоятся въ обычныхъ складенцахъ—кублѣ и сундукѣ, и только изрѣдка, въ неряшливыхъ хозяйствахъ, ихъ можно видѣть висящими открыто на стѣнѣ, жердочкѣ, подъ стропилами, въ сѣняхъ, или въ клѣти.

Хотя въ составѣ такихъ „зелокъ“ и есть завѣдомо лѣкарственные экземпляры, которые съ успѣхомъ помогутъ въ отдѣльныхъ болѣзняхъ, при надобности, такіе экземпляры не выдѣляются изъ снопика: для подкуриванья, или отвара берется за одно часть снопика, при чемъ, благодаря хрупкости высохшихъ „зелокъ“, послѣдніе даютъ, наконецъ одну труху. Освященными „зелками“ лѣчатъ человѣка и животныхъ при внутреннихъ и наружныхъ недомоганіяхъ, приго-

товляя отваръ, подкуриванье; ими дезинфицируютъ жилое помещеніе и одежду, а примѣнительно къ суевѣрно-предразсудочному взгляду простонародья—употребляется въ качествѣ средства для устраненія, или предупрежденія дѣйствія „сурцовъ“ и, наконецъ, подобно дѣйствію освященной вербы, при страшливой грозѣ. Самый порошокъ изъ трухи „зелокъ“ идетъ на засыпку ранъ и изъязвленій, служить нюхательнымъ при катаррѣ носовой полости, держится во рту при зубной боли и проч.

Въ виду возможныхъ широкихъ нуждъ, какъ собственныхъ, такъ и стороннихъ, въ каждомъ даже „бобыльскомъ“ домѣ имѣется изъ—года—въ годъ довольно внушительный запасъ „зелокъ“, котораго охотно одолажаются нуждающимся. Если въ иномъ домѣ есть лицо, занимающееся лѣченіемъ, будь это на окрестный взглядъ „знахарь“, или „знахарка“, то оно все-таки запасается „священными зелками“ и, отпуская нуждающемуся специальное подспорье изъ травъ, цвѣтовъ, кореньевъ, присоединяетъ къ нему часть „зелокъ“ отъ Иванова дня. Такъ обыкновенно поступаютъ деревенскіе лѣкаря и лѣкарки, справляющіе свое дѣло не на почвѣ шарлатанства и проходимчества, а скорѣе—на почвѣ христіанскаго сердоболія, благонамѣренныхъ порывовъ собственной души. Неоднѣкратныя услуги такихъ лицъ уже неоднократно объявлялись, создавъ такъ называемую „народную медицину“.

Освященные хлѣбы.

Между предметами сего рода первенствующее мѣсто принадлежитъ „Благовѣщенскимъ“ просфорамъ. Особое церковное освященіе такихъ просфоръ въ день Благовѣщенія хотя и нельзя считать повсемѣстнымъ въ нашей епархіи, но въ то же время въ различные годы мы видѣли это освященіе въ разныхъ приходахъ Витебскаго, Велижскаго, Городокскаго, Дриссенскаго, Люцинскаго и Полоцкаго уѣздовъ, при совершенно однообразной обстановкѣ и въ однѣхъ и тѣхъ же цѣляхъ.

„Благовѣщенскія просфоры—одного состава, а изрѣдка—и формы съ проскомидійными, хотя въ преобладающемъ большинствѣ онѣ съ отдѣльными печатными знаками (Марія, МР. ОУ. простой или восьми-конечный крестъ то въ кружкѣ, то въ четырехъугольникѣ, Всевидящее Око въ лучезарномъ сіяніи, а иногда—изображеніе Благовѣщенія,— что можно было видѣть въ немногихъ приходахъ и на болѣе крупныхъ просфорахъ). Сохраняя названіе „просфоръ“, такіе хлѣбы, однако, только изрѣдка бываютъ двухсоставными.

„Благовѣщенскія“ просфоры, насколько знаемъ по давнимъ своимъ наблюденіямъ, обыкновенно заготовлялись ко дню Благовѣщенія приходскими просфорницами, или женами и дочерьми мѣстнаго причта, за свой счетъ, почему и доходъ отъ продажи ихъ поступалъ въ пользу поименованныхъ лицъ. Въ промежуткѣ между Утренней и Литургіей въ день Благовѣщенія, а иногда и по окончаніи послѣдней, заготовленныя просфоры освящались въ церковномъ притворѣ, при чтеніи молитвы и окропленіи освященною водою, и только послѣ сего поступали въ продажу по пѣнію—3 коп. обычная просфора и 5 коп.—съ изображеніемъ Благовѣщенія.

Поступивъ въ домъ сельчанина, „Благовѣщенская“ просфора почестно хранилась въ иконномъ углу вмѣстѣ съ другими предметами, составляющими домашнюю святыню, вплоть до наступленія весеннихъ огородныхъ и полевыхъ засѣвовъ, и именно такихъ, которые вызываютъ употребленіе „сѣвалки“—лубяной, соломенной въ переилетѣ съ прутьями корзины, или деревянной посуды (размѣра немного менѣе четверика), клепчатого или долбежнаго изготовленія. Завязанная въ чистую тряпку, „Благовѣщенская просфора“ обыкновенно прикрѣплялась къ правому ушку „сѣвалки“, гдѣ и оставалась отъ начала до конца посѣва. Если приходилось засѣвать не изъ „сѣвалки“, а изъ фартука, какъ, напр., ленъ и другія мелкозернистыя сѣмена, та же просфора привязывалась у пояса къ фартуку, съ правой стороны. Такимъ образомъ, рука сѣятеля съ горстью сѣмянъ въ томъ и другомъ случаѣ проносилась надъ привязанною просфорою.

По окончаніи посѣва „Благовѣщенская просфора“ отдѣлялась отъ „сѣвалки“ въ опасеніи, что мыши, или другія животныя могутъ потревожить и осквернить ее здѣсь, и снова помѣщалась въ иконный

уголь до озимыхъ посѣвовъ. Когда же закончены и послѣдніе, просфора отдавалась дѣтямъ съ предупреденіемъ ѣсть ее, по возможности, осмотрительно, раздѣлялась между семьями передъ первую дневною ѣдою, или же поступала въ соску для младенца, въ „кашку“ для него.

Если въ домъ постушила проскомидійная просфора, какъ это возможно при церковномъ поминаніи или же просфора занесенная паломникомъ, то каждая порознь и все онѣ вмѣстѣ служили той же надобности, какъ и Благовѣщенская просфора. Посему нерѣдко можно было видѣть, что къ „сѣвалкѣ“, или фартуку привѣшано нѣсколько просфоръ въ отдѣльныхъ тряпичныхъ узелкахъ.

Неизбѣжнымъ дополненіемъ „сѣвалочнаго набора“ служилъ кусочекъ артоса. Если таковой кусочекъ поступалъ въ руки непричастнаго къ земледѣлію лица, то онъ безпрекословно переуступался завѣдомому хозяину-земледѣльцу. Какъ и просфора, артосъ, беряжно сохраняемый въ иконномъ углу, привязывался въ отдѣльномъ узелкѣ къ „сѣвалкѣ“, или фартуку, сопутствовалъ сѣятелю и потреблялся по завершеніи озимыхъ засѣвовъ.

Просфора и кусочекъ артоса свободно одожились нуждающимся сосѣдямъ, при чемъ, однако, они поступали въ одоженіе въ томъ видѣ, въ какомъ состояли при „сѣвалкѣ“, т. е. завязанными въ тряпицѣ, чаще всего—совмѣстно съ „сѣвалкою“ одожищаго. Разумѣется, что одоженные предметы возвращались немедленно, по минованіи надобности, вполне неприкосновенными даже и въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ не нуждался въ нихъ.

Откуда идетъ начало употребленія „Благовѣщенскихъ просфоръ“ и почему именно эти просфоры, совмѣстно съ другими освященными хлѣбами, частичками ихъ, служатъ указаннымъ специальнымъ надобностямъ?—задавали мы не единичный и далеко не личный вопросъ, и только въ одномъ случаѣ получили слѣдующій отвѣтъ:—„Видите ли,—гворилось намъ,—по самому существу, праздникъ Благовѣщенія есть нѣчто, вѣщающее высшую радость; съ нею сопрягаются и матеріальныя радости—возрождающійся поворотъ отъ зимы къ веснѣ—оживленіе природы, солнечное тепло, удлиняющіеся дни. Благовѣщенская просфора есть матеріальный благовѣстникъ хлѣбнаго засѣва

и возможнаго плодородія: бѣлизна и тонкость матеріала просфоры родитъ въ душѣ земледѣльца упованіе на такой же хлѣбъ въ его хозяйствѣ, а пышный подъемъ той же просфоры — на хлѣбное обиліе, — что, въ совокупности, составляетъ существенныя мечты и ожиданія каждаго земледѣльца. Не правда ли?...

Какъ ни краснорѣчивъ приведенный отвѣтъ, какъ ни справедливы положенія, составляющія его, признаемся, мы не удовлетворились отвѣтомъ и доселѣ остаемся при занимающемъ насъ вопросѣ.

Освященные предметы для разоваго употребленія.

При подробномъ описаніи освященныхъ предметовъ, чтимымъ нашимъ простонародьемъ и составляющихъ его обиходную святыню, мы указали на тѣ, кои имѣютъ долгосрочное, по крайней мѣрѣ, годичное употребленіе. Посему мы и употребляли выраженія— „громничный годъ“, „іорданскій годъ“, „вербный годъ“. Кромѣ сихъ предметовъ въ обиходѣ того же сельчанина есть еще освященные и потому чтимые предметы, служащіе для разоваго употребленія, при чемъ, за исключеніемъ сѣменныхъ зеренъ, эти предметы съѣдобны, до остатка уничтожаемыя векорѣ послѣ освященія. Къ категоріи такихъ предметовъ принадлежатъ:

1) Пасхальныя сѣдѣ. Кто бываетъ за самую скромною, будничною трапезою сельчанина, тотъ могъ замѣтить, что отношеніе затрапезниковъ къ потребляемымъ предметамъ, какъ дарамъ Божиимъ, повсюду наипочтительнѣйшее: крошки хлѣба и крупинки изъ супа и каши не только не допускаются до паденія на полъ, но и тщательнѣе собираются со стола тѣми лично, кто, примѣрно, ронялъ ихъ во время ѣды. Возможныя же пищевые набросы обыкновенно старательно сметаются стряпухою послѣ каждой ѣды и отдаются домашнимъ животнымъ. Та же почтительная осторожность, болѣе того — бережливость усугубляется въ отношеніи Пасхальныхъ сѣдѣй, изъ коихъ остаются неупотребленными лишь кости отъ мяса да яичная скорлупа. Однако, и эти невозможныя для употребленія остатки тщательнѣе собираются и вмѣстѣ съ незначительными ломтиками и корками хлѣба да пироговъ отъ Пасхальнаго стола относятся самолично хозяевами въ поле, при обходѣ послѣдняго въ Свѣтлую недѣлю, и

тамъ, въ уголкѣ собственной нивы, у межи, зарываются въ землю. А чтобы зарытое не было поругано, или истреблено животными, напр. собакою, свиньею, волкомъ, на мѣсто накладывается гряда камней, дѣлается огражденіе изъ туго вогнанныхъ въ землю кольевъ. Въ немногихъ случаяхъ эти остатки сжигаются въ печи при очередной топкѣ ея.

Изъ всего состава Пасхальныхъ снѣдей одно только яичко, съ которымъ семьяне приходили христосоваться съ родственною моголюю, оставляется на ней открыто, въ увѣренности, что его не замедлитъ снять нищенка, или подобный бѣднякъ, который, конечно, не станетъ глумиться надъ завѣдомою святынею и потребить ее съ присущимъ благоговѣніемъ, добрымъ поминомъ неизвѣстнаго дателя и его могильнаго сродича. Все остальное изъ Пасхальныхъ снѣдей потребляется до крупиночной крошки, и заранѣе можно быть увѣреннымъ, что затрапезники оставятъ столъ такимъ же чистымъ, какимъ онъ былъ передъ ѣдою.

2) Корнеплоды—свекла, морковь, брюква, рѣпа, рѣдька, лукъ и картофель—подлежатъ церковному освященію 1 августа, хотя употребленіе многихъ изъ нихъ, подъ общимъ наименованіемъ „огороднины“, зачинается гораздо раньше, такъ что освященіе корнеплодовъ и санкція на употребленіе ихъ послѣдствуютъ, но не предшествуютъ послѣднему. При семъ, однако, потребители помнятъ, что до 1 августа позволительно пользоваться лишь листьями корнеплодовъ и что самые корнеплоды употреблялись раньше срока въ силу необходимости, какъ иногда скромная пища въ постъ. Официальное, такъ сказать, разговѣнье на корнеплоды происходитъ все-таки 1 августа, и тѣ экземпляры, которые относились въ церковь, немедленно поступаютъ въ домашнююстряпню, составляя матеріаль цѣлдневной ѣды, а отбросы отъ нихъ—шелуха, стволы, листья—съ большою осмотрительностію отдаются домашнимъ травоядникамъ, преимущественно—жвачнымъ животнымъ.

Въ текущее время, благодаря значительно измѣнившимся климатическимъ условіямъ и улучшившейся культурѣ, корнеплоды, какъ и вообще огороднія растенія, зрѣютъ, или, по крайней мѣрѣ, годны въ пищу уже въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ. Далеко не то бывало лѣтъ за 50 предъ симъ: тѣ же растенія созрѣвали и могли употребляться

при началѣ августа, а до сего времени на стряпныя надобности шли лишь листья и ботва „огородины“ и только изрѣдка—недоросшіи корнеплоды то нечаянно вытащенные изъ земли, то удаленный изъ густо заросшаго мѣста.

3) Въ Спасовъ день, 6 августа, церковному освященію подлежатъ фрукты (яблоки и груши) и сѣменные зерна ржи, при чемъ садоводы приносятъ для освященія отъ 3 до 10 десятковъ фруктовъ, тогда какъ остальные довольствуются скромнымъ числомъ—отъ 2 до 10 штукъ,—какъ позволяетъ возможность, или же получаютъ на разговѣнье готовое освященное яблоко отъ тѣхъ, кто имѣетъ возможность удѣлить изъ своего приноса. Раньше, лѣтъ 50 тому назадъ, совместно съ фруктами и рожью приносились для овященія бобъ и горохъ въ стручьяхъ и, въ свою очередь, служили предметами разговѣнья, при чемъ фрукты и стручковые зерна употреблялись натошакъ и съ сего начиналось невозвратное употребленіе ихъ въ сыромъ видѣ. Кромѣ того къ обѣду 6 августа приготавливалось закусочное блюдо изъ пареныхъ стручьевъ боба и гороха, а если эти растенія не посѣвали къ сему дню, не имѣлись въ данномъ хозяйствѣ, или щадились по экономическимъ соображеніямъ, то незначительное количество вылученныхъ зеренъ, такъ или иначе добытыхъ, поступало въ прѣеное блюдо, какъ дополнительная часть его. При обиліи яблокъ, послѣдніе въ запеченномъ видѣ подаются, какъ закусочное блюдо.

Слѣдуетъ отмѣтить, что до указаннаго разговѣнья фруктами и стручковыми плодами сельчане строго воздерживались отъ употребленія таковыхъ, склоняя къ тому же воздержанію и дѣтей, какъ ни было трудно послѣднее. Въ особенности ненарушимо воздерживались лица пожилыя и родители умершихъ дѣтей. На сей счетъ циркулировало слѣдующее повѣрье, слышанное нами въ Велижскомъ и Витебскомъ уѣздахъ. „Въ Спасовъ день всемъ умершимъ дѣтямъ даютъ на томъ свѣтѣ яблоки, груши, крыжовникъ, бобъ и горохъ въ стручьяхъ, но лишаютъ тѣхъ изъ нихъ, лакомки-семьи и, въ особенности, родители которыхъ ѣли эти плоды до Спаса“ („Простонар. прим. и повѣрья въ Витебской Бѣлоруссіи“, 1897 г., запись подъ № 1995).

Сѣменные зерна ржи, освященные въ Спасовъ день, служатъ

1864
 для разбавляющаго предназначеннаго къ заставу ржаного хлѣба. Въ тѣхъ рѣдкихъ хозяйствахъ, гдѣ дѣлается запашка озимой пшеницы („ледянки, стрижки“), вмѣстѣ съ рожью освящаются и сѣмена такой пшеницы. Тотъ и другой хлѣбъ приносится въ церковь въ отдѣльныхъ платкахъ, чистыхъ тряпичахъ, въ количествѣ, не превышающемъ половины гарнца.

Освященными въ Спасовъ день фруктами безотговорочно дарятся попрошайки и вообще не имѣющіе сихъ плодовъ дома, а добрые садоводы даютъ ихъ безвозмездно всѣмъ, кто заранѣе проситъ для надобностей освященія. Но тѣ же добряки ни при какомъ условіи не удѣляютъ не только освященныхъ, но и простыхъ хлѣбныхъ зеренъ, чтобы тѣмъ не выдѣлить въ сторону доли своего земледѣльческаго счастья. Впрочемъ, такой спросъ объ одолженіи не практикуется и не подлежитъ удовлетворенію.

При многолюдствѣ, тѣснотѣ храма, духотѣ въ немъ, принесенное для освященія въ Спасовъ день размѣщается внѣ храма, за папертью, подобно тому, какъ размѣщаются для освященія же Пасхальныя снѣди, съ тою разницею, что, гдѣ въ Пасху стояли ряды открытыхъ корзины, кошолокъ, рѣшетъ, корытъ („ночевокъ“), тамъ теперь идутъ ряды изъ развязанныхъ платковъ да холстинъ съ зернами, фруктами а раньше—со стручками сырого боба и гороха.

Кромѣ предметовъ мѣстнаго освященія, служащихъ на долго срочныя и разовыя надобности, въ обиходѣ сельчанина встрѣчаются и почестно берегутся предметы, заносимые путемъ паломничества или къмъ-нибудь изъ семьянь, или странниками и странницами. Разнообразіе сихъ предметовъ—кашешки, раковины, вѣточки, листки растений, цвѣтки, ягоды, восковыя фигурки, свѣчи, вода, масло, лоскутки ткани, ленточки, печатные листки и проч.—разнообразіе путей и намѣреній поставщиковъ, наконецъ—разнообразіе сихъ по слѣднихъ достаточно извѣстны, такъ какъ о свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонахъ этого дѣла не мало говорилось и говорится. Однако, мы позволимъ себѣ убѣжденно повторить, что во всемъ семъ дѣлѣ въ ореолѣ высится теплая, пока-что неколеблющаяся вѣра простолюдина столь же теплое упованіе и непомрачающаяся любовь его ко всему, что имѣетъ отношеніе къ церковности, что предложено, какъ освященный церковною и иною молитвою предметъ, или, какъ предметъ изъ чтимаго, прославленнаго мѣста.

80000000250883